

Сяо Хаоюй — единственный сын в семье Сяо, с малых лет он рос в атмосфере всеобщего обожания, и в юности слыл настоящим грозой города Тяньюй. Теперь, спустя много лет работы в бизнесе и единоличного управления корпорацией Сяо, его характер стал куда более сдержанным и скрытным, однако затаенная в нем жестокость лишь глубже въелась в самую суть его натуры.

Глядя на тонкую шею Ли Вэньлэ, Сяо Хаоюй ощутил необъяснимый прилив ярости, отчего его свободный кулак сжался до хруста костяшек.

Обернувшись, Сяо Хаоюй ледяным взглядом окинул застывшего столбом охранника и бросил:

— Менеджер Ли ранен. Проводи его наверх.

Одного этого взгляда хватило, чтобы охранник едва не рухнул на колени. Он поспешно подбежал к Ли Вэньцину, намереваясь подхватить того под руки и увести.

Ли Вэньцин слегка подался в сторону, уклоняясь от помощи, а затем медленно подошел ближе, протянул руку и, ухватившись за ладонь Сяо Хаоюя, мягко увещевал:

— Брат Хаоюй, отпусти моего брата, прошу тебя. Если ты поранишь его, что же тогда будет?

Сяо Хаоюй прищурился, глядя на отчаянно бьющегося в его руках Ли Вэньлэ. Он никак не мог взять в толк, почему всего пара фраз этого человека так легко выводит его из себя, словно он снова стал тем самым безрассудным юнцом.

Не желая больше видеть Ли Вэньлэ, вызывавшего лишь раздражение, Сяо Хаоюй снова повернулся к бедному охраннику и рявкнул:

— Уши прочистил? Я сказал — веди менеджера Ли наверх, ты что, не слышишь?

Охранник был в отчаянии. Сейчас он в полной мере осознал смысл поговорки: когда небожители дерутся, страдают простые смертные.

Сглотнув ком в горле, он в нерешительности подошел к Ли Вэньцину, нервно потирая руки, и с заискивающей улыбкой произнес:

— Менеджер Ли, ну, может быть...

— Я не пойду... Мгх...

Никто не ожидал, что, не успев договорить, охранник окажется на корточках: Ли Вэньлэ, беспорядочно дрыгая ногами, случайно ударил его.

Сяо Хаоюй испугался за Ли Вэньцина и тут же разжал пальцы, которыми сжимал горло Ли

Вэньлэ. Он быстро шагнул к Ли Вэньцину, присел рядом, чтобы проверить, в порядке ли тот, и с тревогой спросил:

— Цинцин, ты как?

— Кха-кха-кха...

Ли Вэньлэ, которого Сяо Хаоюй долго душил, внезапно получив доступ к свежему воздуху, не мог сдержать приступа кашля.

Не успел он перевести дыхание, как на него обрушились упреки Сяо Хаоюя:

— Ли Вэньлэ, я же говорил тебе: если есть претензии, высказывай их мне, не смей трогать Цинцина!

Ли Вэньлэ, потирая саднящую, покрытую синяками шею, почти истерично закричал:

— Сяо Хаоюй! У тебя что, с глазами и головой проблемы? Это меня ты чуть не задушил, как я могу причинить вред ему, Ли Вэньцину?!

На душе у Ли Вэньлэ было бесконечно горько. Он не мог понять, почему с самого детства всё повторяется? Ведь каждый раз страдает он сам, и каждый раз именно Ли Вэньцин провоцирует конфликт. Но в итоге все винят его и жалеют Ли Вэньцина!

Верно говорят: плачущий ребенок получает больше молока.

— Ты ничего не понимаешь! Тело Цинцина...

— Брат Хаоюй, не надо! Прошу тебя...

Сяо Хаоюй хотел было что-то добавить, но Ли Вэньцин схватил его за руку. Взглянув вниз на юношу, чьи глаза наполнились слезами, Сяо Хаоюй был вынужден замолчать.

Лицо Сяо Хаоюя стало мрачнее тучи, терпение окончательно лопнуло. Он встал, решительно заслонив собой Ли Вэньцина, и едва разлепив губы, произнес ледяным, пробирающим до костей тоном:

— Ли Вэньлэ, повторяю в последний раз! Если есть что сказать — идем наверх! Предупреждаю, мое терпение не безгранично!

Ли Вэньлэ обычно был кроток, словно кролик, но даже кролик начинает кусаться, когда его загоняют в угол, что уж говорить о молодом мужчине, полном сил!

В этот раз двусмысленные отношения Сяо Хаоюя и Ли Вэньцина довели Ли Вэньлэ до крайности, он словно лишился рассудка.

Не слушая угроз, он продолжал выплескивать накопившуюся боль:

— Сяо Хаоюй, мое терпение тоже не безгранично! Какого черта ты лезешь в дела нашей семьи? Если есть смелость, пусть он, Ли Вэньцин, сам скажет, когда это он стал единственным внуком моего дедушки! Спроси его! Как у него хватает наглости нести такую чушь?

При этих словах лицо Ли Вэньцина мгновенно стало пепельно-серым. Он долго что-то невнятно бормотал, прежде чем тихо пояснить:

— Дедушка уже согласился принять меня в семью Ли, сказал, что относится ко мне как к внуку! И в компанию меня тоже пригласил дедушка...

То, как Ли Вэньцин кусал губы, оправдываясь, напоминало поведение обиженной невестки, вызывая лишь жалость.

Сяо Хаоюй, глядя на обезумевшего Ли Вэньлэ, почувствовал прилив раздражения. Сверкнув острым взглядом, он шагнул вперед и схватил Ли Вэньлэ за руку, намереваясь утащить его прочь.

Ли Вэньлэ не мог вынести того, как его собственный муж защищает другого мужчину. Вспомнив, как пять лет он унижался перед Сяо Хаоюем, не заслужив и капли сочувствия, он решил: раз уж дело идет к разводу, то нужно идти до конца!

С этой мыслью Ли Вэньлэ впился зубами в руку Сяо Хаоюя. В его сердце кипела такая обида, что он вложил в укус всю силу, едва не вырвав кусок плоти.

Кусая, Ли Вэньлэ не мог сдержать слез, бормоча сквозь зубы:

— Сяо Хаоюй, ты хоть понимаешь, чей ты муж?! Как ты мог так со мной поступить!

Ли Вэньлэ был готов к тому, что Сяо Хаоюй ударит его, но, решившись на открытое противостояние, он должен был пересилить свой страх. Только вперед, несмотря ни на что!

Однако Сяо Хаоюй лишь холодно смотрел на него. Он не пытался ни остановить его, ни ударить — просто молча наблюдал.

Сцена стала невыносимо неловкой, пока её не прервал властный голос:

— Ли Вэньлэ, ты уже закончил? Отпусти его! Посмотри на себя, на кого ты похож?!

— Папа... — Ли Вэньцин, завидев Чжэн Вэйчэна, начал покачиваться, словно опавший лист на

ветру.

Су Вэйчэн даже не взглянул на Ли Вэньлэ. Пройдя мимо, он подошел к Ли Вэньцину и заключил его в объятия.

— Ли Вэньлэ, что ты опять сделал с Цинцином? Я сколько раз говорил тебе, Цинцин — твой родной брат! Ты не имеешь права...

Не дав Су Вэйчэну договорить, Ли Вэньлэ с покрасневшими глазами перебил его:

— Нет у меня никакого брата! У моей матери был только один сын! Нет у меня никакого брата...

<http://bllate.org/book/21434/2190438>